

IX Международная заочная научная конференция «Рациональное и эмоциональное в литературе и фольклоре»

УДК 821.161.1

А.А. АЛЕЩЕНКО
(lightally@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ТИПОЛОГИЯ ГЕРОЕВ СЕТЕВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ «КРИПИ»*

Рассматривается типология героев «страшного» фольклора в сетевой словесности. Выявляются наиболее распространенные черты героев, связь их характеров с сюжетными особенностями текстов.

Ключевые слова: интернет-фольклор, страшное, крипи, герой, типология.

Культура «страшного» в России не только по-прежнему жива, но и приобрела широкие масштабы, обросла новыми формами бытования и различными направлениями, многое переняла у западной культуры. В Интернете появились тематические сайты, на которых размещаются самые разнообразные страшные рассказы – от современных быличек и легенд до отечественных и зарубежных литературных текстов. Интернет-версии страшных историй заметно отличаются от привычного нам жанра ужасов в печатной литературе, хотя, несомненно, с ней переплетаются. На сайтах часто публикуют авторские рассказы как современных молодых авторов, так и классиков жанра. Этот жанр интернет-фольклора получил наименование «крипи», «крипи-стори», «крипи-паста» (от англ. *сгееру* – вызывающий дрожь, страшный) [3].

Литературное явление «крипи» еще не стало предметом широкого научного осмысления. Первым шагом в этом направлении стала наша работа, посвященная сюжетной типологии произведений, относящихся к «крипи» [1]. Не менее важным аспектом изучения является типология их героев.

Герои сетевых страшных историй, в отличие от фольклорных и литературных страшилок, по своему уникальны. Существует, на наш взгляд, определенная связь между их характерами и обстоятельствами, в которых они находятся.

Чаще всего главный герой «крипи» – это жертва неких мистических или иных пугающих обстоятельств. Объяснить это можно основной целью крипи – напугать. Читатель с наибольшей вероятностью будет отождествлять себя с главным героем. Таким образом будет усилен пугающий эффект истории.

Разумеется, среди произведений «крипи» есть и исключения. Связано это с поисками авторами новых форм, попытками привнести в жанр что-то новое, поскольку набор традиционных фольклорных и литературных приемов для «запугивания» довольно ограничен. Среди этих новаций следует отметить следующие нарративные приемы, связанные с образом рассказчика.

Во-первых, это тексты, написанные от лица т. н. *монстров*, существ, нападающих на людей. Зачастую они носят полуанекдотический характер, поскольку иронически переосмысливают классические сюжеты о столкновениях человека с иномирным существом: «*Больше нет сил ждать, монстр лег спать, а я чутко слежу за ним через щель под дверью. Я уже давно не открывал ее, не знаю, что за ней происходит, но в комнате тихо, надеюсь, стражник заснул. Прощай, моя тюрьма, сумрак темницы, тюремщики и скудная пища, я не вернусь, пусть меня лучше убьют, а еще лучше я сам*

* Работа выполнена под руководством Гольденберга Аркадия Хаимовича, доктора филологических наук, профессора кафедры литературы и методики ее преподавания ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

попытаюсь прикончить монстра, столько лет стерегущего меня за дверью, моя раненая душа требует отмщения!» («Я тебя вижу», pirania_kate) [4].

Во-вторых, написанные от лица второстепенных персонажей подобных историй:

«– Приедем здесь не место, – грубо бросаю я, демонстративно опустив задвижку.

– Нам нужна помощь! Вы разве не понимаете?! – снова колотят в стекло. Того и гляди, треснет. – Пожалуйста!

– Собаку спущу, – предупреждаю я. Вот уж глупости – Германа я туда ни за что не выпущу.

Парень еще держится, хотя уже кричит на меня в голос, и чувствуется, что замолчать боится. Девчонка уже просто рыдает, размазывает остатки косметики по серому личику. Бесцветному – через недельку такие же бесцветные плакаты с бессменным «Пропала» и неуместной улыбкой на фотографии будут украшать автобусную станцию.

Помочь им нельзя. Даже думать о том, чтобы кому-то из них помочь – мысль опасная. Вы же, найдя покрытый гнойными язвами труп, не потащите его домой, чтоб обогреть в морозный день у камина? Здесь то же самое – только сделаешь себе больно своей беспомощностью. Или даже «заразишься» – говорят, бывали случаи, когда Он убивал местных» («Кошачница», Чёрный Дракон) [Там же].

В-третьих, – от лица человека, превращающегося в монстра: *«До утра Марина ползала по стенам. Утренний солнечный свет зудел на коже, она спаслась от него в углу спальни между двумя стенами и потолком, занавесившись волосами. К полудню солнце добралось и туда. Через стену от Марины был ее чулан. За другой стеной – соседняя квартира. Дверка приоткрылась, и белесая рука снова потянулась наружу. Вслед за этим движением Марина прижала ладони к стене, смежной с другой квартирой, и стала царапать ее, отрывая ногти и заливая обои своей кровью, размазывая эту кровь, пока не получилось пятно, сквозь которое она могла пройти. Внутри стена была пористой, губчатой и смутно пахла мышами. Пятно все же оказалось мало, и тазовые кости хрустнули, выворачивая правую ногу коленом назад. Впрочем, отталкиваться ей стало удобнее» («Щепка», анонимный автор) [Там же].*

В популярных сюжетах крипипаст типа «не оборачивайся» [см. подр.: 1, с. 2], в которых рассказывается о встречах с необычным существом в бытовой обстановке, главный герой (чаще – сам рассказчик) – *молодой одинокий человек*, небогатый студент, живущий на съемной квартире, замкнутый. У него либо нет родственников, либо они далеко. Друзей мало или вообще нет.

Такой тип героя связан, вероятно, с образом типичного посетителя имиджборда, ресурса, где зародилось явление «крипи». Помимо этого, подобному герою легче вступить в связь с паранормальным: из-за одиночества он легче замечает странности, творящиеся в квартире, на работе или в ином месте. Часто герой интересуется сверхъестественным и сам ищет встречи с чем-то подобным (замечает странное явление, начинает его исследовать и т. п.) Обычно ему не к кому обратиться за помощью. Иногда ему помогают такие же увлеченные друзья.

В страшных литературных рассказах (в том числе маскирующихся под реальные истории) представлено множество типов героев – мужчин и женщин, от детей до стариков, персонажей совершенно различных социальных положений, живущих в разные эпохи. В подобных историях прослеживается масштабное влияние мировой литературы – произведений Говарда Филлипса Лавкрафта, считающегося одним из основоположников литературного «хоррора», готических романов и других разновидностей жанра [2].

Очень широко представлена среди героев «крипи» такая возрастная категория, как *дети*. Истории о детях бывают связаны непосредственно с детскими страшилками. Обычно главная героиня – маленькая девочка: *«Она вскочила с кровати, надела тапочки и в одной ночной рубашке подбежала к двери. Посмотрев в глазок, она увидела лицо своего отца.*

– Подожди, сейчас открою, – сказала она, откинула засов и уже собиралась открыть дверь, но в последний момент остановилась и снова посмотрела в глазок. Что-то в выражении лица ее отца было не так. Его глаза были широко открыты, он выглядел испуганным.

Она вернула засов на место. Звонок продолжал издавать трель.

<...>

Девочка осторожно открыла дверь и закричала. Отрубленная голова ее отца была прибита к двери гвоздем на уровне глазка.

На дверной звонок была прикреплена записка, в которой было всего два слова: “Умная девочка”» («Умная девочка», анонимный автор) [4].

Подобные тексты нередко строятся по сюжетно-композиционной схеме, характерной для детских, «пионерских» страшилок. Тем не менее, такие истории воспринимаются читателями «крипи» как некая классика, уже не пугающая, поскольку сами читатели – люди старшего возраста, которым для ожидаемого эффекта испуга от прочтения необходимы более сложные приемы и формы повествования.

Часто «крипи» с ребенком в главной роли маскируются под *детские воспоминания* – при этом для происходящего в тексте характерна зыбкость, расплывчатость. Рассказчик сам не уверен в своих воспоминаниях, поскольку был ребенком. Вероятно, это связано с особенностями детского восприятия, впечатлительностью, размытой для ребенка гранью между сном и реальностью.

Герой-ребенок (как главный, так и второстепенный) в «крипи» – персонаж, совершенно беспомощный перед опасностью. У него нет сил сопротивляться как реальным опасностям (свидетелем которых чаще всего становится главный герой-взрослый), так и бороться с чем-то паранормальным (чаще всего он остается со своей проблемой наедине – герою могут не верить, он может бояться рассказать и т. д.). Это придает повествованию особую тревожность, которую на языке современного кино обозначают термином «suspense». Существует тенденция выделения его в особый литературный жанр («Окно во двор» У. Айриша, «Ребекка» Д. Дюмурье, по которой снят культовый фильм А. Хичкока, целый ряд романов С. Кинга, «Гарри Поттер» Дж. Роулинг и др.). Если с главным героем-взрослым читателю будет легче себя отождествлять, то в случае с героем-ребенком особенно велико напряжение от осознания читателем его особой уязвимости, того факта, что герой не имеет возможности бороться с опасностью в полную силу.

Еще одним из характерных героев «крипи» является *персонаж с повышенным интересом к паранормальному*. Он ввязывается в события по своей воле, редко осознавая все возможные их последствия: «Раздевшись и приняв горячий душ, я уселся за книгу. Работать или смотреть кино настроен не было, а книга отлично помогла отвлечься. Решив, что удобнее всего будет за рабочим столом, я плюхнулся в кресло и углубился в чтение, благо солнечный свет из окна создавал отличное освещение. Когда до меня дошло, что в том окне солнце, не знаю. Полчаса? Час? Я вскочил, будто ужаленный, и тупо уставился на залитый солнечным светом дворик снаружи. Неужели дождь так быстро кончился? Несколько обескураженный, я подошел к остальным окнам. Дождь и тучи. А тут солнце (пускай и не видимое из дворика) и звенящая лазурь чистого неба. У меня задрожали руки. Приехали? Дурка по мне плачет?

<...>

Я судорожно обдумывал действия. Поделиться находкой? Но с кем? Друзья? Ну, один или два надежных человека у меня есть. Но что, если это опасно? Тогда я подвергну их жизни риску, а это неприемлемо. Расхаживая по квартире, я взвешивал все «за» и «против» варианта рассказать знакомым. В конце концов, я решил, что лучше провести разведку самому, а потом уже решать, что делать дальше.

Следующая неделя ушла на подготовку. Я купил альпинистское снаряжение – тросы, карабины, страховки и прочее необходимое. Исследование я решил начать с самого простого – спуска. И вот, неделю и два дня спустя, субботним утром, я съел легкий завтрак и отправился к окну.

Стол я отодвинул в сторону, тросы закрепил в нескольких местах, на случай, если хоть один узел не выдержит – остальные подстрахуют» («Окно наружу», Vivisector) [4].

Жертвой мистического может стать любой персонаж – и тот, кто не ожидал этого, и тот, кто сознательно искал встречи с чем-то сверхъестественным. Многие истории «записаны с чужих слов», со ссылкой на свидетеля, т. е. рассказчик представлен в них опосредованно. Обыкновенно такие истории повествуют о событиях прошлого, случившихся со старшими родственниками рассказчика в деревнях и других отдаленных местах. Этим они напоминают былички. Страшные события обычно происходят в провинциальных городах с обычными людьми – родственниками и знакомыми рассказчика.

Таким образом, в «крипи» представлен широкий спектр персонажей, типология которых обусловлена повествовательной формой истории, в которой они фигурируют. Мы выделили «страшные» крипи-истории, в которых повествование ведется:

- от лица монстра;
- от лица второстепенного персонажа;
- от лица человека, превращающегося в монстра.

Что касается типологии главных героев «крипи», то наиболее распространенными в них типами являются:

- одинокий молодой человек;
- герой-ребенок;
- персонаж с повышенным интересом к паранормальному.

Главная цель любой «крипи-истории» – как можно сильнее напугать читателя, поэтому их герои изображаются так, чтобы читатель мог либо отождествлять с себя с ними, либо проявить к персонажу симпатию. Тем самым создается общее для автора и читателей «крипи» эмоциональное поле.

Литература

1. Алещенко А.А. Сюжеты «страшного» фольклора в сетевой словесности // Студенческий электронный журнал «СТРИЖ». № 4 (04). 2015. С. 1–5. [Электронный ресурс]. URL: <http://strizh-vspu.ru/files/publics/1455284234.pdf> (дата обращения: 24.02.2018).
2. Все страхи мира: Ногг в литературе и искусстве: сб. статей. СПб., Тверь: Изд-во Марины Батасовой. 2015.
3. Мракопедия – энциклопедия ужасов. [Электронный ресурс]. URL: <https://mrakopedia.org> (дата обращения: 25.02.2018).
4. Страшные истории. [Электронный ресурс]. URL: <http://kriper.ru> (дата обращения: 25.02.2018).

ALINA ALESHCHENKO

Volgograd State Socio-Pedagogical University

TIPOLOGY OF CHARACTERS OF THE «CREEPY» LITERATURE NETWORK

The study considers the typology of characters of the «terrible» folklore in the network literature.

The article detects the most common features of the characters and their relations with plot features of the texts.

Key words: *Internet folklore, scary, creepy, character, typology.*